

## Памяти

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕВСКАГО.

## 1.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ  
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья  
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ  
Вернулся я, и время испытанья  
Промчалось законной чередой;  
А онъ не дождался минуты сладкой:  
Подъ бѣдною походною палаткой  
Болѣзнь его сразила, и съ собой  
Въ могилу онъ унесъ летучій рой  
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,  
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

## 2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ  
надеждъ,  
Позвѣи и счастья... Но, безумный—  
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ  
И сердце бросилъ въ море жизни шумной,  
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!  
Но до конца, среди волненій трудныхъ,  
Въ толпѣ людской и средь пустынь без-  
людныхъ  
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:  
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,  
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,  
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

## 3.

Но онъ погибъ далѣко отъ друзей...  
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!  
Покрытое землей чужихъ полей,  
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша  
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!  
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,  
Но съ твердостью. Тайнственная дума  
Еще блуждала на челѣ твоемъ,  
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;  
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,  
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

## 4.

И было ль то—привѣтъ странѣ родной,  
Название ли оставленнаго друга,  
Или тоска по жизни молодой,  
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,  
Кто скажетъ намъ?.. Твоихъ послѣднихъ  
Глубокое и горькое значеніе [словъ  
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,  
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,  
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:  
Едва блеснуть, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—  
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спро-  
ситъ...

## 5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,  
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,  
Какъ отъ мечты, которой никогда  
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...  
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ

Столь чуждое ему существованье:  
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья  
И тернія пустыхъ его клеветъ?  
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ  
Коварный его отвергнулъ цѣня:  
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей  
стени—

## 6.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...  
И, вокругъ твоей могилы неизвѣстной,  
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,  
Судьба соединила такъ чудесно:  
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ  
Серебрянымъ Кавказъ ее обѣмлетъ;  
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,  
Какъ великанъ склонившійся надъ щитомъ,  
Разскажетъ волнъ кочующихъ внимая,  
А море Черное шумить, не умолкая.

## [К а з о т ъ].

На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ  
сидѣлъ,  
Одинъ, покинутый безумными друзьями,  
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,  
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И помню я, исполнены печали,  
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,  
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,  
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: «Лигуйте, о друзья!  
Что вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?  
Надъ вашей головой колеблется сѣкира,  
Но что жъ?.. изъ васъ одинъ ее увижу я...

Къ Гр. Эм. Кар. Муслиной-Пушкиной.

[рожд. шериваль].

Графиня Эмилія  
Бѣлѣ, чѣмъ лилія,  
Стройнѣй ея талия  
На свѣтѣ не встрѣтится,  
И небо Италіи  
Въ глазахъ ея свѣтится;  
Но сердце Эмиліи  
Подобно Бастиліи

(На рожденіе сына у А. А. Лопухина).

Ребенка милаго рожденье  
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.  
Да будетъ съ нимъ благословенье  
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!  
Да будетъ онъ отца достоинъ;  
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;  
Да будетъ духъ его спокоенъ  
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ  
Пускай не знаетъ онъ до срока  
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ  
Пускай глядитъ онъ безъ упрека